

- *Концептуальные рамки анализа «общества риска»*
- *Взаимодействие традиций и инноваций как факторов социальной динамики (либеральная и консервативная модели)*
- *Информатизация, политика и социальная стабильность*

УДК 316.42

Концептуальные рамки анализа «общества риска»

Н. П. Рагозин, кандидат философских наук, доцент*

Возникновение новых угроз и опасностей, с которыми сталкивается современное общество, порождает необходимость социально-философского и общесоциологического анализа данной проблемы. В статье рассматривается развитие способов концептуализации проблемы риска и опасности как характерных черт существования современного общества. Автор дает свою оценку различных концепций и высказывает соображения о возможных направлениях дальнейшего исследования данной проблемы.

Conceptual Frames for «Risk Society»

N. Ragozin, PhD in Philosophy, Associate Professor

New threats and menaces arising, which modern society faces, give birth to necessity of social, philosophic and generally sociological analysis of the given problem. The article studies development of ways of risk problem conceptualization and their threat as characteristic features of modern society. The author gives his evaluation of various concepts and provides with his ideas of possible further directions of investigation of the given problem.

Социально-философская и социологическая теория все большее внимание уделяет феномену риска, которым отмечена как (жизне)деятельность человека в современном обществе, так и функционирование его систем. Слово «риск», которое первоначально входило в лексикон мореплавателей [1, с. 41], к настоящему времени необычайно расширило сферу своего функционирования и начинает обретать статус понятия, без которого уже невозможно обойтись при анализе современного общества.

Американская исследовательница М. Дуглас ретроспективно намечает траекторию модификации смысла этого слова в западной культуре следующим образом: в XX в. это понятие вошло в политику; в XIX в. теория риска стала играть важную роль в экономике, поскольку для риска собственнику фирмы нужен особый стимул высокой прибыли, иначе он не станет инвестировать капитал; в XVIII в. анализ риска имел важные применения в морском страховании, в котором шансы корабля благополучно вернуться домой, принеся прибыль его владельцу, сопоставлялись с шансами его гибели в море, несущими разорение; в XVII в. это понятие разрабатывалось в связи с азартными

играми, для которых был разработан специальный математический анализ [2, с. 243].

Наблюдения М. Дуглас показывают, что феномен риска превращается в общественно значимую модель поведения людей в ходе становления капиталистического (или, как модно ныне выражаться, «модерного») общества. Эта модель поведения осмысливается и соответствующим образом концептуализируется вначале в специфических сферах деятельности – страховании возможных убытков от рискованных бизнесов и судебно-правовом определении ответственности за нанесенный ущерб. В содержательной статье Теодора Лоуви «Риск и право в истории американского государства» весьма убедительно показано на примере образцовой страны «свободного рынка», где царит культ предпринимательства, что существование бизнес-рисков опирается на целый ряд институциональных механизмов, гарантирующих безопасность ведения предпринимательской деятельности и перекладывающих ответственность за нанесенный бизнесменом ущерб либо на пострадавшего, либо на плечи всего общества [3, с. 253–267]. Таким образом, рискованное поведение в капиталистическом обществе возникает на базе институционального оформления разнообразных систем обеспечения безопасности, начиная с безопасности предпринимательской деятельности

* Заведующий кафедрой социологии и политологии Донецкого национального технического университета.

и заканчивая созданными позднее различными системами страхования (личного имущества, жизни и здоровья, от несчастных случаев и безработицы, медицинского и пенсионного страхования, система защиты прав потребителей и т. п.).

В самом общем виде риск может быть определен как действия субъекта в опасной ситуации, которую надеется преодолеть, хотя успех этого предприятия не гарантирован. Таким образом, риск – это действия, направленные на вероятное преодоление опасности. При этом, рискованное действие, не будучи гарантированно безопасным, само является опасным, оказывается «зараженным» опасностью, которая охватывает как действие, так и бездействие.

Как отмечает российский автор В. Зубков, «во второй половине XIX – начале XX в. в связи с накоплением знаний о вероятностном характере ряда общественных, технических и природных процессов риск попадает в поле зрения и других наук, и, прежде всего, прикладной математической статистики» [1, с. 13]. Во второй половине XX в. проблема риска привлекает внимание еще более широкого круга научных дисциплин. Это связано не только с появлением рожденных научно-технической революцией сложных технико-социальных систем, отказы от которых чреваты серьезными катастрофами, но и с появлением оружия массового уничтожения, экологическими бедствиями, масштабными социально-политическими конфликтами и т. п. В исследовании проблем риска включаются технические, естественные, медицинские и психологические науки [4]. По оценке В. Зубкова, всего в исследовании различных аспектов риска оказалось вовлечено более 20 научных дисциплин. Это свидетельствует и о степени распространенности в современном обществе феномена риска, и об актуальности его исследования.

Риск начинает изучаться в самых разных аспектах, при этом все более настоятельной становится проблема его общего социально-философского осмысления. Общая теория риска не может пониматься как суммативная междисциплинарная теория, объединяющая социальные аспекты рисков, выделенные из частных (технических, естественных, медицинских или психологических) рискологий. Дело в том, что в них исходным пунктом исследования риска является индивид, в то время как социологическая теория должна исходить из общества. Риск уже не может рассматриваться как случайность, как результат стечения неблагоприятных обстоятельств, вынуждающих человека принимать чреватые опасностью решения, или же рассматриваться как следствие авантюрной при-

роды человека, которая толкает его на поиски опасностей. Общая теория риска должна понимать его как результат (этап или фазу) функционирования самой социальной системы, необходимо осмыслить социальную сущность риска, т. е. понять социальные законы его производства в современном обществе.

В настоящее время при обсуждении общей теории риска в качестве ее первых вариантов рассматриваются работы М. Дуглас, Э. Гидденса, Н. Лумана и У. Бека. Мы хотели бы включиться в это обсуждение, акцентировав свое внимание на концептуальных рамках постановки проблемы социальной природы риска в работах данных авторов.

Никлас Луман: методологическо-эпистемологическая прелюдия к теории риска

Сразу скажем, что мы согласны с оценкой О. Яницкого, который пишет: «Луман, таким образом, не предлагает законченной социологической теории риска. ...Луман пытается поставить социолога не в положение критика современного общества, вошедшего в эпоху глобального риска, а в положение компетентного эксперта, помогающего обществу вернуть утраченное состояние «нормальности»» [5, с. 15]. Нам представляется, что Луман именно потому и не смог предложить законченной теории риска, что он занял позицию эксперта, а не критика современного общества.

Теоретико-методологические импликации различий этих двух позиций заключаются в том, что «эксперт» недостаточно радикально, принципиально ставит вопрос о природе риска в современном обществе, рассматривая его как исправимую аномалию, в то время как «критик» рассматривает риск как проявление кризиса основ современного общества, делающего проблематичным его дальнейшее существование. «Эксперт» как фигура идеологически и политически нейтральная, вещающая от имени науки и с точки зрения современной «рациональности», тем не менее, предлагает свои заключения, предназначенные для защиты существующего положения вещей от разнообразных угроз и опасностей. Тем самым, он вольно или невольно становится апологетом статус-кво. Разнообразие и масштабность рисков, с которыми сталкивается современное общество, свидетельствует о том, что их нельзя преодолеть с помощью паллиативных решений, предлагаемых экспертами, равным образом, как их заклинания уже не оказывают успокоительного действия на общество.

Луман понимает недостаточность узкодисциплинарных определений риска. Он отмечает, что статистические подходы, теории решений и теории игр ограничиваются количественной кальку-

ляцией рисков, «которая, в общем, ориентируется на субъективные ожидания полезности». Но обществу требуются качественные границы осмысленности подобных калькуляций, которые он называет «порогом катастрофы», и учет социального распределения рисков между теми, кто принимает рискованные решения и теми, кого они затрагивают [6, с. 136].

Ход лумановской мысли о способе создания социологической теории риска достаточно ясно представлен в следующем рассуждении: «Добытое социологией знание о социальной обусловленности всякого переживания и действия, *mutatis mutandis* относится и к ней самой. Она не может наблюдать общество извне, она оперирует в обществе; и именно она-то и должна была бы это знать. Она может посвятить себя модным темам, поддерживать движения протеста, описывать опасности современной технологии и способы их измерения или предостерегать против необратимого ущерба, наносимого окружающей среде. Но то же самое делают и другие. Социология должна была бы добавить сюда теорию селективности всех общественных операций, включая и наблюдение этих операций и даже те структуры, которые детерминируют эти операции. Тогда, с точки зрения социологии, ...тема „риск“ относилась бы к теории современного общества и несла бы на себе отпечаток ее понятийного аппарата. Но такой теории не существует...» [6, с. 138].

Социология, согласно этому способу мысли, не должна искать позицию, которая бы отражала тенденции развития, выводящие за пределы современного общества. Она, конечно, может обсуждать «модные темы», заигрывать с движениями протеста и т. п., но ее действительное предназначение — двойная рефлексия: наблюдение за тем, как она «оперирует в обществе» (при этом, очевидно, предполагается, что общество является закрытой системой) и как она себя самой себе представляет («самореференция»). Так понимаемая социология страдает комплексом Нарцисса и ждать от нее серьезных прорывов в понимании рисков в современном обществе не стоит.

Наблюдение второго порядка, наблюдение наблюдателя, с помощью которого Луман пытается найти исходное понятие риска, способно, в лучшем случае, очистить и упорядочить материал первичного наблюдения. Это — предварительная, подготовительная стадия исследования. Само же исследование риска начнется тогда, когда мы начнем распутывать причины разрывов социальной ткани, которые создают угрозы безопасному существованию общества и понуждают индивидов к преодолению опасностей (рису).

Культурологическая теория риска Мэри Дуглас

М. Дуглас исходит из того, что феномен риска следует объяснять культурой общества. Культура понимается как система ценностей, норм поведения, стандартов и предрассудков, которая регулирует взаимодействие индивидов в обществе. Культура предстает как «некоторая система, состоящая из личностей, которые считают друг друга и взаимно вменяемыми, и ответственными». В этой системе человек «пытается жить, придерживаясь известного уровня ответственности», который приемлем для него и сравним «с уровнем ответственности, на котором он хотел бы держать других людей» [2, с. 251]. С этой точки зрения, по мнению Дуглас, «культура предстает наполненной подразумеваемыми политическими предпосылками взаимной ответственности» [2, с. 251].

В традиционном обществе культурными регулятивами поведения людей служили идеи табу и греха, которые разграничивали дозволенное и недозволенное, безопасное и опасное. В современном обществе такую же роль играет идея риска. «По сути, — считает Дуглас, — риск обеспечивает мирские термины для переписывания одной из заповедей писания: не грехи отцов, но „риски“, высвобожденные отцами, падут на головы их детей, вплоть до двенадцатого колена» [2, с. 245]. Так же, как риск, категории греха и табу предостерегают от будущих поступков, которые могут нести опасность.

Но, несмотря на сходство, риск отличается от греха и табу. Во-первых, тем, на защиту чего они направлены. «Риторика в категориях греха и табу чаще используется, чтобы поддержать сообщество, уязвимое для дурного поведения индивида, в то время как риторика в категориях риска поддерживает индивида уязвимого для „дурного поведения“ сообщества» [2, с. 248]. Во-вторых, сферой применимости. Если табу и грехи были регулятивными категориями в небольших замкнутых общинах, то риск может использоваться в большом и «гомогенизированном» в культурном отношении обществе. В-третьих, если табу и грехи принимаются на веру и не подлежат дискуссии, то понятия риска и опасности рождаются в публичном диспуте, в ходе которого оппоненты пытаются защитить свою позицию и обвинить своих противников, с привлечением мнения экспертов для определения степени риска [2, с. 249]. При этом каждая сторона привлекает «своих» экспертов, в результате чего научное знание релятивизируется и теряет свой авторитет в обществе.

Исходя из этого, М. Дуглас считает: «Поэтому культурный диалог лучше всего изучать в те мо-

менты, когда он приобретает характер судебного. Понятие риска выходит на поверхность как ключевая идея новейших времен, благодаря его применению в качестве судебного механизма» [2, с. 244]. Проще говоря, идея риска в современном обществе — это политико-правовой механизм защиты индивида от посягательств власти. «„Риск“ призывают на службу для выпадов против злоупотреблений власти. Обвинение в создании обстановки риска — это дубинка для битья авторитетов, средство расшевелить ленивых бюрократов, вырвать возмещение для жертв. Для всех этих целей разом „опасность“ была бы правильным словом, но плоская „опасность“ не имеет ауры научности или претензий на возможный точный расчет» [2, с. 244–245].

В культурологической теории риска не обсуждается реальность опасностей и рисков в современном обществе. Речь идет о способах их восприятия и использования в социальных взаимодействиях: «Заметим, что реальность опасностей, как таковая, здесь не оспаривается. Опасности ужасающе реальны в обоих случаях: и современном, и досовременном. Мы рассуждаем не о реальности опасностей, но об их политизированных формах» [2, с. 248]. Пожалуй, этим отрывком исследования восприятия опасности от исследования самой реальной опасности можно объяснить явственно ощутимый привкус релятивизма в культурологической теории риска.

Теория рефлексивной модернизации и концепция «общества риска»

Социологическая онтология риска разрабатывается в рамках теории рефлексивной модернизации и связанной с ней концепции «общества риска». В качестве ее наиболее видных представителей обычно называют Энтони Гидденса и Ульриха Бека. Но, как нам представляется, Гидденса более занимает концепция рефлексивной модернизации, а теория риска для него имеет факультативное значение. Несмотря на то, что он рассматривал проблему риска в книге «Последствия современности» (1990), был участником инициированной У. Бекон книги-диспута трех авторов — У. Бек, Э. Гидденс, С. Лэш «Рефлексивная модернизация» (1994), а также посвятил этой проблеме главу в книге «Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь» (1999), тем не менее в его фундаментальных работах «Устроение общества: Очерк теории структуризации» и не менее известном учебнике социологии понятие риска не упоминается в глоссариях и эта проблематика не отражена в разделах этих книг.

Нам представляется, что риск для Э. Гидденса является важным индикатором процессов модер-

низации современного общества, но не критической проблемой, обнажающей кризис основ современного общества системы. С одной стороны, Гидденс как бы признает принципиальное значение проблемы риска для понимания современного общества. Он пишет: «Понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего» [7, с. 109]. С другой стороны, он успокаивающе заявляет: «То внимание, которое уделяется риску в современной социальной жизни, не связано непосредственно с реальным усилением грозящих жизни опасностей. На уровне индивидуальной жизни, ...люди в развитых обществах находятся в более безопасном положении, чем в предшествующие столетия» [7, с. 111].

Гидденс выделяет два вида риска: внешний риск, «причина которого лежит вне нас самих: она связана с неизменными традициями или законами природы», и рукотворный риск, связанный с нашим познанием и преобразованием окружающего мира [8, с. 43]. Различия этих двух видов риска становятся в современном мире размытыми, поскольку общество существует в эпоху, когда природе, по выражению английского социолога, «пришел конец» [8, с. 44]. «Конец природы» следует понимать в том смысле, что мы сплошь и рядом не в состоянии оценить, где в современном мире кончается естественное и начинается искусственное, и наоборот.

Современное общество переживает поворотный момент в своей истории: если прежде нас беспокоило то, «что может сделать с нами природа», то теперь нас беспокоит то, «что мы можем сделать с ней» [8, с. 44]. На смену преобладанию внешнего риска приходит господство рукотворного риска.

Если прежде внешние риски воспринимались как рок, фатум, перед лицом которых человек обращался к оракулам или искал расположения божественных сил в поисках выхода из опасностей, то теперь «на помощь призываются эксперты» [7, с. 111]. Человек собственными руками разрушил «онтологическую безопасность» и сотворил «роковые моменты», понимаемые Гидденсом как «время, когда обстоятельства сходятся таким образом, что человек оказывается как бы на перепутье своего существования, или когда человек узнает нечто, имеющее для него судьбоносное значение» [7, с. 110]. Но судьба эта уже не задана и ничем не гарантирована. В эти моменты человек ищет социальной поддержки, «общей судьбы» с другими индивидами, которую он может представить в основном рефлексивно. Такие поворотные мо-

менты остро ставят перед человеком проблему самоидентичности, которая решается в рефлексивном (ре)конструировании традиции. В «Ускользящем мире» вслед за главой о риске у Гидденса идет глава, посвященная традиции, точнее говоря, о конструируемых традициях современного общества, как тех «коконах безопасности», в которых пытается укрыться человек. В результате непредсказуемым становится не только будущее, которое человек дерзко намеревался «колонизовать» и подчинить своей воле, но и прошлое, которое замещается квазитрадициями.

Безусловно, эти социологические наблюдения представляют интерес и важны для характеристики современного общества. Мы на собственном опыте имеем возможность убедиться, что непредсказуемым в нашем мире становится не только будущее, но и прошлое. Но рефлексивная теория риска Гидденса не указывает пути дальнейшего развития нашего мира и ограничивается анализом некоторых аспектов его наличного состояния.

Более глубоко и принципиально проблему риска в современном обществе ставит У. Бек. Прежде всего, он отмечает, что прежняя система безопасности, существовавшая в капиталистическом обществе, уже не работает: «...с середины этого века социальные институты индустриального общества столкнулись с исторически беспрецедентной возможностью уничтожения всей жизни на планете в результате принятия определенных решений. Это отличает нашу эпоху не только от ранней стадии индустриальной революции, но и от всех прочих культур и общественных форм, как бы ни расходились они и ни противоречили друг другу в деталях» [9, с. 165]. Перед столь глобальной и радикальной угрозой институты современного общества совершенно беспомощны: «Нет ни одного института — ни реально, ни, видимо, даже в замысле, — который был бы готов к «наихудшему мыслимому бедствию», как нет и формы общественного порядка, которая обеспечивала бы социальные и политические гарантии в этом худшем из возможных случаев. Зато есть много желающих специализироваться в одной единственной области — в отрицании этих угроз» [9, с. 165]. Эти угрозы ставят под вопрос социальную и политическую стабильность общества, которая сохраняется только благодаря отказу от обдумывания последствий [9, с. 166].

Таким образом, проблема риска у У. Бека ставится более четко и исторически конкретно. Если Гидденс связывает ее с более общей проблемой отношения природы и общества, то Бек помещает ее в контекст смены этапов в развитии современного общества — в переходе от индустриального к по-

стиндустриальному обществу, который он именуется рефлексивной модернизацией. В этом же исторически конкретном контексте у Бека рассматривается и изменение характера взаимоотношений общества и природы.

Принципиальный сдвиг в масштабе и характере угроз в обществе эпохи рефлексивной модернизации Бек резюмирует в четырех параметрах разрушения прежней системы безопасности индустриального общества: «Говоря точнее, атомные, химические, генетические и экологические мегаугрозы разрушают четыре опоры исчисления рисков. Здесь имеется в виду, во-первых, глобальный, часто непоправимый ущерб, который уже нельзя ограничить; тем самым рушится концепция денежного возмещения (компенсации). Во-вторых, в случае смертельных глобальных угроз исключены действенные меры предосторожности на основе предвидения последствий „наихудшего мыслимого бедствия“; это подрывает идею безопасности, обеспечиваемой „предупреждающим отслеживанием результатов“. В-третьих, само понятие „бедствие“ утрачивает границы во времени и пространстве и тем самым смысл. Оно становится событием, имеющим начало и не имеющим конца, своеобразным непредсказуемым „вольным пиршеством“ крадущихся, скачущих и накладывающихся друг на друга волн разрушения. Но ведь это и подразумевает потерю меры нормальности, утрату процедур измерения и, следовательно, реальной основы для расчета опасностей: сопоставляются друг с другом несравнимые сущности, и расчет, исчисление оборачиваются лишь затемнением расклада» [9, с. 165].

Наконец, в-четвертых, «некалькулируемость» последствий и размеров угроз выявляется в недостатке ответственности за них: «Научное и юридическое признание угрожающих факторов осуществляется в нашем обществе в соответствии с принципом причинности, с принципом „загрязнитель платит“. Но что инженерам и юристам кажется самоочевидным, фактически даже этическим требованием, то в сфере мегарисков становится крайне сомнительным и парадоксальным» [9, с. 165].

Детальное изложение черт современного «общества риска» представлено У. Бекком в книге «Общество риска. На пути к другому модерну» (М., 2000). Рассмотрим основные положения концепции Бека.

1. «В развитых странах современного мира общественное производство богатств постоянно сопровождается производством рисков» [10, с. 21]. Соответственно, логика распределения богатства в обществе сменяется логикой распределения рисков. Общество риска — это фактически новая па-

радикала общественного развития. Ее суть в том, что господствовавшая в индустриальном обществе «позитивная» логика общественного производства, заключающаяся в накоплении и распределении богатства, все более перекрывается (вытесняется) «негативной» логикой производства и распространения рисков.

2. Производство рисков «демократично»: в конечном счете риски настигают и поражают тех, кто наживался на их производстве или же считал себя от них застрахованным. Производство рисков – мощный фактор перестройки социальной структуры общества по критерию степени подверженности рискам. Это означает, что в обществе складывается новая расстановка политических сил, в основе которой лежит борьба за определение, что рискогенно (опасно) и что – нет.

3. Если нормативным идеалом прошлой эпохи было равенство, то нормативный идеал общества риска – безопасность. Социальный проект общества приобретает отчетливо негативный и защитный характер: не достижение «хорошего», как ранее, а предотвращение «наихудшего». Иными словами, система ценностей «неравноправного общества» замещается системой ценностей «небезопасного общества», а ориентация на удовлетворение новых потребностей – ориентацией на их самоограничение.

4. Если индустриальное общество было ориентировано на труд, то теперь «массовая безработица интегрируется через новые формы «многообразной неполной занятости» в систему занятости – со всеми вытекающими отсюда рисками и шансами» [10, с. 15]. Традиционная классовая и профессиональная структура размывается, но взамен в обществе риска возникают новые социальные силы, взламывающие старые социальные перегородки. Появляются новые социальные противоречия между теми, кто «подвержен рискам, и теми, кто извлекает из них выгоду», между теми, кто «производит риски, и теми, кто их потребляет» [10, с. 56]. Бек полагает, что возникают общности «жертв рисков» и их солидарность может породить мощные политические силы.

5. Формируется институт экспертов, приобретающий самодовлеющее политическое значение, поскольку именно он определяет, что и насколько опасно. Эксперты превращаются в элиту, третирующую остальное население как алармистов-непрофессионалов, подрывающих общественный порядок. Разделение общества на экспертов и всех остальных вызывает у рядовых граждан стойкую реакцию недоверия к науке и технологической сфере. В результате наука как социальный институт разделяется на две части: академическую или

лабораторную (науку фактов) и науку опыта, которая основывается на публичных дискуссиях и жизненном опыте.

6. Размываются границы политики. «Формально существующие права и компетенции на принятие решений истончаются. Политическая жизнь в изначальных центрах формирования политической воли теряет содержательность, грозит окостенеть в ритуалах» [10, с. 293]. С одной стороны, официальная политическая система сталкивается с последствиями научно-технических решений, которых она не принимала, но вынуждена оправдывать и легитимировать ссылками на священного идола прогресса; с другой – все больше новых общественно-политических сил и движений принимают политические действия за пределами официальных политических арен. Одновременно на международной арене возникает новое международное неравенство, поскольку существует «постоянное взаимное «притяжение» между крайней бедностью и крайним риском» [10, с. 49].

Таким образом, У. Бек предлагает нам действительно целостную концепцию «общества риска», охватывающую все его стороны. Ведущей идеей этой концепции является мысль о том, что современное общество вступило в фазу полной перестройки своих основ. Бек полагает, что «в проект индустриального общества на разных уровнях – например, в схему «классов», «небольшой семьи», «профессиональной работы», в понятия «науки», «прогресса», «демократии» – встроены элементы индустриально-имманентного традиционализма, основы которых становятся хрупкими и аннулируются в рефлексивности модернизаций» [10, с. 16]. Эта рефлексивная перестройка основ индустриального общества, тем не менее, мыслится Бекком лишь в горизонте его дальнейшего существования в обновленном виде. Он полагает, что «другой модерн» в основе своей будет тем же модерном: «Вместе с тем распространение и умножение рисков ни в коей мере не порывает с логикой развития капитализма, а, скорее, поднимает эту логику на новую ступень» [10, с. 26]. А, стало быть, несмотря на все потрясения, у этого нового-старого модерна есть будущее. Если защититься от политического потенциала катастроф «общества риска» и овладеть им, то это может привести «к реорганизации власти и компетенции» [10, с. 27].

Концепция «общества риска» У. Бека обладает большим эвристическим потенциалом. Она предполагает комплексный, системный анализ общественного производства рисков в современном обществе и слома сложившейся на предшествующем этапе системы обеспечения его безопасности. Однако концепция У. Бека разрабатывается в го-

ризонте судеб развитых капиталистических стран, переживающих этап перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, между тем как в современном мире существуют доиндустриальные общества, общества, активно завершающие стадию своей индустриализации (Индия, Китай, Бразилия) и общества, которые сталкиваются с угрозой деиндустриализации (некоторые постсоциалистические страны, не исключая и Украину). Очевидно, что для них существует другой набор и динамика рисков, отличные от той модели, которую предлагает У. Бек.

Подводя итоги, сформулируем те общие посылы, которые, как показывает предшествующий опыт разработки теории «общества риска» должны лежать в ее основании: 1) общая теория не является суммой частных рискологий, частные теории должны быть производными от общей теории; 2) общая теория должна вскрыть необходимый характер производства риска в современном обществе, связанный с кризисом его основ, разрушением систем обеспечения безопасности и самовоспроизводства общества; 3) общая теория должна быть комплексной, она обязана проследить все следствия производства рисков в экономической, социальной, политической и духовной сферах общества; 4) анализ кризиса основ общества в современном глобальном мире должен иметь исторически конкретную спецификацию: риски постиндустриального общества следует отличать от рисков доиндустриального общества, от рисков индустриализирующегося и деиндустриализирующегося обществ; 5) теория общества рисков должна быть критической, а не «экспертной», апологетической.

Список цитированных источников

1. *Зубков, В.* Социологическая теория риска / В. Зубков. — М.: РУДН, 2003. — С. 41.
2. *Дуглас, М.* Риск как судебный механизм / Мэри Дуглас // THESIS. — 1994. — Вып. 5
3. *Лоуви, Т.* Риск и право в истории американского государства / Теодор Лоуви // THESIS. — 1994. — Вып. 5.
4. Первоначальная социологическая концептуализация проблемы риска осуществлялась путем выделения и осмысления социальных аспектов рисков, с которыми сталкивается человек в различных сферах своей деятельности и в различных сторонах своего существования в современном обществе, что нашло отражение в таких, например, работах: Альгин А. П. Грани экономического риска. — М.: Знание, 1991; Артемчук В. В. Безопасность труда в промышленности. — М., 1991; Архипова Н. А., Кульба В. В. Управление в чрезвычайных ситуациях. — М.: РГГУ, 1994; Балабанов И. Т. Риск-менеджмент. — М.: Финансы и статистика, 1996; Бодров В. А., Орлов В. Я. Психология и надежность: Человек в системах управления техникой. — М.: Ин-т психологии РАН, 1998; Быков А. А., Мурзин Н. В. Проблемы анализа безопасности человека, общества и природы. — СПб.: Наука, 1997; Ваганов П. А. Ядерный риск: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997; Голуб Н. А. Классификация рисков в личном потреблении // Социол. исслед. — 1996 — № 8. — С. 139–141; Дюкло Д. Страх и знание: общество лицом к науке, технике и их опасностям. — М.: ИНИОН РАН, 1992; Корнилова Т. В. Диагностика мотивации и готовности к риску. — М.: Ин-т психологии РАН, 1997; Кроз М. В., Липатов С. А., Чинкина О. В. Особенности восприятия риска радиационного воздействия специалистами и неспециалистами в области атомной энергетики // Вопр. психологии, 1993. — № 5. — С. 59–65; Кургузов В. Т. Социально-медицинские аспекты работы с населением групп риска: дис. ... канд. социол. наук. — М., 1998; Лагадек П. Чрезвычайное положение в условиях технологических аварий и социальной дестабилизации: реферат. — М.: ИНИОН РАН, 1989; Методы управления и принятия решений в условиях риска и неопределенности: сб. науч. тр. / АН Украины, Ин-т кибернетики им. В. М. Глушкова. — Киев, 1993; Мозговая А. В. Технологический риск и экологическая составляющая качества жизни населения. Возможности социологического анализа. — М.: Диалог-МГУ, 1999; Попов В. М. Психология безопасности профессиональной деятельности: учеб. пособие. — Новосибирск, 1997; Социальные проблемы экологии и технологического риска: реф. сб. / отв. ред. Э. В. Гируссов [и др.]. — М.: ИНИОН РАН, 1991; Ступницкий В. Управление персоналом социотехнических систем в экстремальных условиях // Проблемы теории и практики управления. — 1995. — № 1. — С. 115–121; Человек в экстремальной производственной ситуации (опыт социологических исследований ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС). — Киев: Наук. думка, 1990.
5. *Яницкий, О. Н.* Социология риска / О. Н. Яницкий. — М.: LVS, 2003.
6. *Луман, Н.* Понятие риска / Никлас Луман // THESIS. — 1994. — Вып. 5.
7. *Гидденс, Э.* Судьба, риск и безопасность / Энтони Гидденс // THESIS. — 1994. — Вып. 5.
8. *Гидденс, Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Энтони Гидденс. — М.: Весь мир, 2004.
9. *Бек, У.* От индустриального общества к обществу риска / Ульрих Бек // THESIS. — 1994. — Вып. 5.
10. *Бек, У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Ульрих Бек. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Дата поступления в редакцию: 19.02.2010 г.